УДК 821.161.1
DOI 10.52452/2658-7475-2026-2-30-72-83

СЕМАНТИКА ОРНИТОЛОГИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

© 2026

О.С. Муравьева

Муравьева Ольга Сергеевна, ORCID: 0000-0003-3371-1231, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук (Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, наб. Макарова, д. 4), olga_muraveva@list.ru

Статья поступила в редакцию: 24.04.2026
Статья принята к публикации: 16.06.2026

Значение образа орла как alter ego поэта в творчестве Пушкина неоднократно отмечалось, но без соотношения с образами орла и других птиц в русской поэзии его времени. В статье рассматриваются семантика сравнений поэта с птицей и трансформация образа орла в поэзии конца XVIII – начала XIX веков. Показывается, что образ орла в русской торжественной оде выступал символом Российского государства, российской власти и русских воинов. В этом смысле употреблялся он и рядом авторов первой трети XIX в., например: В.Н. Григорьевым, А.С. Хомяковым, Н.В. Кукольником. В том же значении использовался он и Пушкиным в ранних стихах и в поэме «Кавказский пленник». Обосновывается тезис, что долгое время поэта сравнивали не с орлом, а с лебедем, соловьем и жаворонком. Выясняется, что, хотя птица традиционно являлась символом свободы, этот мотив в указанных сравнениях не звучит. Утверждается, что сравнение поэта с орлом как символом свободы и своеволия впервые было прямо заявлено у Пушкина. Делается вывод о важности этого символа для понимания художественного мировоззрения поэта.

Ключевые слова: русская поэзия, поэтическая семантика, птица – alter ego поэта, Пушкин, лирика, образ орла.

Одна из постоянных тем мировой поэзии – это сама поэзия. Поэты разных эпох и разных национальностей настойчиво стремились постичь тайну поэтического творчества: как рождаются стихи, что есть вдохновение, как впечатления жизни преображаются в поэзию?

Особое внимание уделялось самому поэту как совершенно исключительному человеку, выделяющемуся целым рядом черт личности, кажущихся подчас странными обычным людям. Отдельный поворот темы – положение поэта в обществе, верность своему предназначению, часто встречающаяся с непониманием и неоправданными претензиями окружающих. Трудно перечислить всех поэтов, так или иначе затрагивавших эти проблемы. В России едва ли не каждый известный поэт отдал им дань: от Ломоносова, Державина, Баратынского, Лермонтова, Тютчева до Пастернака, Цветаевой, Гумилева, Ахматовой, Брюсова, Маяковского, Бродского, Ахмадулиной. Это далеко еще не полный список. Много стихов о поэте и поэзии есть у Пушкина. Несмотря на кажущуюся локальность темы, она может быть изучена под самыми разными углами зрения, заданными текстами стихотворений и личностями их создателей. Мы выбрали для подступа к этой теме частный вопрос: сравнения поэтов с птицами, постоянно возникающие в стихах многих авторов. Этот узкий путь, возможно, позволит выйти к новым наблюдениям и выводам.

В поэзии Пушкина, как известно, есть целый ряд отсылок к образу орла. Представляется интересным выяснить происхождение этого образа и распространенность его в современной Пушкину литературе.

Орел является одним из древнейших символов, существовавших у многих народов. Очень долго к поэту и поэзии он не имел никакого отношения. Начиная с Римской империи изображение орла становится имперским знаком[1]. Орел изображался на римских монетах, на знаменах римских легионов, на штандартах полков Великой армии Наполеона. В России двуглавый орел впервые появляется в конце XV века; первым официальным случаем его использования считается соответствующее изображение на одной из сторон Большой государственной печати Ивана III. Со временем двуглавый орел становится и символом России, и знаком государственной власти. В аналогичном значении образ этой хищной птицы начинает использоваться в русской поэзии. В одах М.В. Ломоносова, Г.Р. Державина, В.П. Петрова орел (просто орел, двуглавым он называется крайне редко) выступает

[1] Уже в Хеттской империи (1800 – 1180 г. до н.э.) двуглавый орел был символом власти. – *Прим. ред.*

не только как символ Российского государства, но и как символ русских воинов, русского народа– «росса» в целом[2]. Жанр торжественной оды уже в начале XIX века уходит из литературы, но поэтическая лексика еще долго хранит память жанра. Хранит ее и слово «орел», выступающее в качестве тропа. «Наш орел двуглавый», который «поднялся на негодующий Кавказ» в «Кавказском пленнике» (1820 г.) Пушкина [Пушкин 1937–1949, т. 4, с. 114]; орел, который «осенит / Кавказ широкими крылами» [Поэты 1820–1830, с. 386] в «Вечере на Кавказе (1825 г.) В.Н. Григорьева; «славян полунощных орел» в стихотворении А.С. Хомякова «Орел» (1832 г.) [Хомяков 1873, с. 358]; «громы русского орла» в стихотворении Н.В. Кукольника «Империя» (1842 г.) [Библиотека для Чтения 1842, № 3, с. 5] поддерживают одическую традицию употребления этого слова. Пушкин использует выражение «орлы Екатерины» не только в ранних стихах, где заметно воздействие поэтов XVIII века, но и в стихотворении 1831 года «Перед гробницею святой». Здесь о Кутузове сказано: «Сей остальной из стаи славной Екатерининских орлов» [Пушкин 1937–1949, т. 3, с. 267]. В принципе, можно прочитать это как языковую метафору: орлы – гордые, смелые, сильные люди. Но одический шлейф, тянущийся за этим словом, придает ему иное значение: Екатерининские орлы – это государственные мужи, деятели великой империи.

Когда же начали сравнивать поэта с орлом? Державин в знаменитой оде «Лебедь» (1804 г.) описывает превращение себя-поэта в лебедя. Этот мотив поддерживался в стихах других русских поэтов. Василий Капнист в оде «На тленность» (1817 г.) пишет: «То лебедь пел, Пиндар российский» [Капнист 1959, с. 356]. Жуковский в «Певце во стане русских воинов» (1812 г.) сравнивает с орлами доблестных воинов, у Державина же «голос лебединый» [Жуковский 1959, т. 1,

[2] Например: Ломоносов М.В. Ода на взятие Хотина: «Но чтоб орлов сдержать полет, / Таких препон на свете нет»; Ода на победу над шведами 23 дня 1741 года: «Российских войск хвала растет <…>, / Младой Орел уж льва терзает» [Ломоносов 1959. Т. 8, с. 27, 43]. Державин Г.Р. Ода на приобретение Крыма: «Не подвиги Готфридов храбрых, / И не крестовски древни рати – / Се мой теперь парит Орел!» [Державин 1864. Т. 1, с. 248], Петров В.П. Плач и утешение России и Павлу Первому: «В ней орля появилась младость / От нового ее подъявшего орла» [Петров 1811, с. 702].

с. 163]. Батюшков в «Моих пенатах» (1811–1812 гг.) пишет о Державине: «Наш лебедь величавый / Плывешь по небесам» [Батюшков 1977, с. 263]. Дельвиг в стихотворении «Пушкину» (1815 г.) задает риторический вопрос о поэте: «Кто, как лебедь цветущей Авзонии…» [Дельвиг 1986, с. 65].

Державин в других своих стихах сравнивает поэта с соловьем: «Пой Карамзин! – И в прозе / Глас слышен соловьин» (Прогулка в Сарском Селе, 1791 г.) [Державин 1864, т. 1, с. 427]; «О! Коль бы я воспел их сладко, / Гремя поэзией моей, / Отважно, быстро, плавно, кратко, / Как ты, – о дивный соловей!» («Соловей», 1794 г.) [Державин 1864, т. 1, с. 696].

Сравнение поэта с певчей птицей естественно развивает традиционное именование поэта певцом. У Карамзина, как это показано в статье Н.Д. Кочетковой «Повесть Карамзина "Райская птичка" и его стихи о соловье», соловей, сначала лишь «друг души» поэта, становится его alter ego [Кочеткова 2017, с. 90]. В «Эпилоге» Дельвига (1828 г.) о поэте говорится: «Так певал без принужденья, / Как на ветке соловей» [Дельвиг 1986, с. 78].

Баратынский в стихотворении «Здравствуй, отрок сладкогласный» (1841 г.) обращается к юному поэту: «Кто тебе, мой мальчик, равен? / Только жавронок живой» [Баратынский 1948, с. 184]. С соловьем и жаворонком сравнивается поэт в стихотворениях С.Е. Раича «Соловью» (1827 г.) и «Жаворонок» (1838 г.).

Способность птицы летать по воздуху, оставляя далеко внизу все преграды, традиционно превращала ее в символ свободы. Людям пушкинского поколения был хорошо знаком народный обычай весной выпускать на волю птичек. Он описан, в частности, в стихотворении Пушкина 1823 года «Птичка», а также в стихотворениях Дельвига «К птичке, выпущенной на волю» (1823 г.) и Туманского «Птичка» (ок. 1826 г.). Примечательно, что в приведенных сравнениях поэтов с птицами этот мотив совершенно не звучит. Смелый свободный полет в высоте связывается с образом орла, но орел не связывается с поэтом. Когда Михаил Храповицкий в своем послании назвал Державина «Орлом державным», поэт это сравнение решительно отверг: «Но с тобой не соглашуся / Я лишь в том, что я орел» (Храповицкому. 1797 г.) [Державин 1864, т. 1, с. 248]. И далее он поясняет свою мысль: орел свободен, а он, поэт, связан бесчисленными путами житейских,

общественных и государственных ограничений. В послании Жуковского 1814 г. «К Вяземскому. Ответ на его послание к друзьям», правда, утверждается, что сочинение стихов – такое же неотъемлемое свойство поэта, как способность орла «над тучами летать», но оно уравнивается и со способностью розы «на лугу весной благоухать» [Жуковский 1959, т. 1, с. 234]. В стихотворении Капниста «Мотылек» (1796 г.) не дерзостный орел, который несется выше облаков, но скромный мотылек, порхающий над цветочками, ассоциируется с уделом поэта.

На образ поэта, очевидно, повлияла мощная фигура Байрона. В оде Ламартина 1820 года «Человек. К Байрону» дается развернутое сравнение Байрона с орлом. Важно, однако, что имеется в виду не поэтический дар, а сила и отвага. Не поэт уподобляется орлу, а героическая личность. Показательно, что в этом смысле с орлом сравнивали как Байрона, так и Наполеона. Такие сравнения мы находим, в частности, у Тютчева: «Байрон. <Отрывок. Из Цедлица>, 1829 г.» и «Наполеон» (1850 г.). Сам Байрон использовал символику орла применительно к Наполеону («Прощание Наполеона», 1815 г.), но не к поэту. Вяземский в некрологе «О Державине» (1816 г.) прямо именует его орлом, но он сравнивает здесь двух поэтов: «Ломоносов в хороших строфах своих плывет величавым лебедем; Державин парит смелым орлом» [Вяземский 1982, т. 2, с. 10]. Вяземский здесь, очевидно, опирается на традиционное для европейской поэзии романтизма символическое состязание орла с лебедем, где всегда побеждает орел, например: «Мелодии жизни» Августа Шлегеля (1799 г.), «Байрон» Цедлица (1828 г.). Такое состязание представлено и в стихотворении А.Г. Ротчева «Гармония жизни» (1827 г.). Стихотворение Тютчева «Лебедь» (конец 1820-х гг.) основывается также на этом противопоставлении орла и лебедя с той разницей, что у него побеждает лебедь [Топоров 1990, с. 32–107]. Во всех этих примерах речь идет не о поэте, а о двух типах мировосприятия: деятельном и созерцательном.

В стихотворении Пушкина 1822 года «Узник» («Сижу за решеткой в темнице сырой…») орел, безусловно, выступает символом свободы, но о поэте, строго говоря, речь не идет. В первоначальных вариантах есть стих: «Мой верный товарищ в изгнаньи моем» [Пушкин 1937–1949, т. 2, с. 790] (стихотворение написано во время пребывания

Пушкина в ссылке в Кишиневе). Но в окончательном тексте лирический субъект – это вымышленное лицо, узник.

В стихотворении «Мордвинову», предположительно написанному в 1825–1826 годах, в строках, посвященных одописцу Василию Петрову, традиционный, одический образ екатерининского орла как государственного мужа незаметно перетекает в образ поэта-орла: «Под хладом старости угрюмо угасал / Единый из седых орлов Екатерины, / В крылах отяжелев, он небо забывал / И Пинда острые вершины» [Пушкин 1937–1949, т. 3, с. 46].

В стихотворении 1826 года «Пророк» поэт впервые прямо сравнивается с орлом в минуту чудесного преображения лирического героя: «Отверзлись вещие зеницы, как у испуганной орлицы» [Пушкин 1937–1949, т. 3, с. 463]. Еще более определенно это сравнение в стихотворении 1828 года «Пока не требует поэта…»: «Но лишь божественный глагол до слуха чуткого коснется, / Душа поэта встрепенется, как пробудившийся орел» [Пушкин 1937–1949, т. 3, с. 141]. Может показаться, что Пушкин в своем сравнении поэта с орлом прямо противоречит Державину, не принимавшему такого сопоставления. Но на самом деле они говорят о разных вещах: Державин – о жизненных обстоятельствах, окружающих поэта, а Пушкин – о самом акте творчества, в котором поэт выходит за пределы этих обстоятельств. Так же и Владимир Туманский восклицает: «А! Дайте ж лиру мне, судьбы бессмертный дар: <…> Я, как орел, с вершин направлю свой полет!» [Поэты 1872, т. 1, с. 281] («Сетование», 1825 г.). В стихотворении «Орел и поэт» (1833 г.) Константина Аксакова и поэме «Картина» (1830 г.) Трилунного (Д. Ю. Струйского) орлу уподобляется поэт именно в порыве вдохновения.

Неожиданное использование этого образа мы находим в шутливом стихотворении Пушкина из письма к Вяземскому около 7 ноября 1825 года. Оно начинается так:

> В глуши, измучась жизнью постной,
> Изнемогая животом,
> Я не парю – сижу орлом
> И болен праздностью поносной
> [Пушкин 1937–1949, т. 13, с. 239].

Несмотря на всю пикантность этого текста, он подтверждает устойчивость поэтического образа. Комический прием строится именно на представлении о том, что поэт должен парить орлом, а он «сидит орлом». Имея в виду, что письмо адресовано Вяземскому, здесь может быть и прямая отсылка к его упоминавшейся статье, где сказано: «Державин парит смелым орлом».

Певчие птички и мотыльки – образы поэзии сентиментализма, орел – образ скорее романтический. Но смена культурных парадигм не имеет четкой временной границы, и на просторах русской поэзии одновременно «летали» разные птицы. Со временем орел как образ поэта постепенно закрепляется в поэзии, потеснив соловьев и жаворонков. В стихотворении С.П. Шевырева «На смерть Лермонтова» (1841 г.) убитый поэт сравнивается с подстреленным орлом. Однако важен не только факт сравнения, но и признак, по которому оно устанавливается. В этом смысле пушкинские сравнения выглядят глубоко своеобразными. В стихах из «Езерского» (1832–1833 гг.) «Зачем крутится ветр в овраге» и в отрывке «Поэт идет – открыты вежды…», представляющем собой недоведенную до конца переработку строф «Езерского», Пушкин, уподобляя поэта орлу, говорит не просто о полете вдохновения, но именно о свободе творца. Орел как символ свободы впервые прямо связывается с поэтом. Существует мнение, что в понимании Пушкина свобода – это некая идеальная категория, исключающая своеволие, характерное для личности западноевропейского типа [Ильичев 2004]. С этим трудно согласиться. В «Езерском» говорится именно о своеволии творца, что подчеркивает сама грамматическая конструкция строфы. Ряд вопросов: «Зачем, зачем…» – заканчивается не ожидаемым ответом на них, а утверждением, что рациональный ответ вообще отсутствует, поскольку «ветру, и орлу, и сердцу девы нет закона». И заключение: «Гордись, таков и ты, поэт, и для тебя условий нет» [Пушкин 1937–1949, т. 5, с. 102]. Еще более отчетливо эта мысль выражена в отрывке «Поэт идет – открыты вежды»:

Таков поэт: как Аквилон,
Что хочет, то и носит он –
Орлу подобно он летает
И, не спросясь ни у кого,

Как Дездемона, избирает
Кумир для сердца своего.

Не случайно этот текст традиционно включается в повесть «Египетские ночи» в качестве первой импровизации на тему: «Поэт сам избирает предметы своих песен, толпа не имеет права управлять его вдохновением» [Пушкин 1937–1949, т. 8, с. 269]. Примечательно, что слово «прихоть» у Пушкина имеет безусловно положительные коннотации. «Пишу по вольной прихоти вдохновения» (оригинал по-французски: «Si je n'écris encore que sous l'influence capricieuse de l'inspiration») (Письмо Пушкина к А. И. Казначееву, нач. (после 2) июня 1824 г.) [Пушкин 1937–1949, т. 13, с. 55], «По прихоти своей скитаться здесь и там» (Из Пиндемонти, 1836 г.) [Пушкин 1937–1949, т. 3, с. 420]. Прихоть, своеволие поэта противостоит любой регламентации его творчества, от кого бы она ни исходила. Предвидим возражение, Пушкин ведь написал: «Веленью Божию, о муза, будь послушна» («Я памятник себе воздвиг нерукотворный», 1836 г.) [Пушкин 1937–1949, т. 3, с. 424]. Но веленье Божие вряд ли предполагает какие-то конкретные указания; скорее его можно понять как призыв следовать своему жизненному предназначению. А жизненное предназначение поэта Пушкин сформулировал совершенно ясно: «Дорогою свободной иди, куда тебя влечет свободный ум» (Поэту, 1830 г.) [Пушкин 1937–1949, т. 3, с. 223].

В одном из самых последних стихотворений Пушкина гордый орел неожиданно уступает место чижику – маленькой скромной птичке. Впервые образ чижика, с которым сравнивает себя лирический субъект, возникает в стихотворении 1815 года «К Наташе» («Вянет, вянет лето красно»). Через много лет, в 1836 году, «по вольной прихоти вдохновения» этот образ из юношеского стихотворения возвращается в четверостишии «Забыв и рощу, и свободу».

Мы говорили, что птица – традиционный символ свободы. Соответственно, «птица в клетке» – такой же традиционный символ несвободы. Еще философ-стоик Эпиктет в своих «Беседах» утверждал, что все одушевленные существа, будь то птицы или люди, не переносят пребывания в клетке [Мурьянов 1996, с. 73–74]. Влюбленный горюет в разлуке, «как чижик в клетке тесной», в стихотворении «К Наташе». В пушкинском переводе из поэмы «Неистовый Роланд» Ариосто

(Из Ариостова «Orlando Furioso», 1826) есть образ пойманной в сетку птички:

Так в сетке птичка, друг свободы,
Чем больше бьется, тем сильней,
Тем крепче путается в ней
[Пушкин 1937–1949, т. 2, с. 15–16].

«Бедные дети, что пташки в клетке» [Пушкин 1937–1949, т. 7, с. 97], – сказано в пушкинской трагедии о детях Бориса Годунова. М.Ф. Мурьянов в связи с этой темой у Пушкина напомнил стихи римского поэта Боэция, жившего в конце V – начале VI века и прославившегося трактатом «Утешение философией». Там есть такие строки:

Птица, что вольно щебечет на ветке,
Петь прекращает в неволе, хотя бы
Щедрые яства пред ней, что ласкали б
Взор ее, если б была на свободе…

И далее:

Рощи услышав призыв, встрепенется,
Всю разбросает постылую пищу,
Не прикоснется к ней больше и долго
Будет грустить о погибшей свободе…

Пушкинское стихотворение прямо опровергает эти утверждения:

Забыв и рощу, и свободу
Невольный чижик надо мной
Зерно клюет и брызжет воду,
И песнью тешится живой
[Пушкин 1937–1949, т. 3, с. 438].

Неизвестно, был ли Пушкин знаком с произведением Боэция. Теоретически он мог его знать: «Утешение философией» пользовалось известностью в Европе. Существовали переводы на французский язык, сделанные на рубеже XIII–XIV вв., в 1794 г. был опубликован

русский перевод, выполненный иеромонахом Феофилактом Русановым. В любом случае соотнесение этих текстов показывает, что пушкинский образ чижика противоречит традиционному образу птицы в клетке, использованному ранее и им самим. Конечно, мы не можем доказать, что поэт сопереживал своему чижику; доказательством является только лишь читательская и исследовательская интуиция. Основываясь на ней, такие пушкинисты, как С.Г. Бочаров, В.С. Непомнящий, М.Ф. Мурьянов, видели в стихотворении глубоко личный смысл[3]. Различные интерпретации, которые они предлагали, не опровергают, но дополняют друг друга. Поэтический и философский этюд Пушкина может быть прочитан в разных контекстах. Допустимо прочитать его и в контексте нашей темы о птице как alter ego поэта. Не вольный орел, но «невольный» чижик, птичка в клетке. И самая горечь в том, что он доволен… У него есть вода и зерно, он забыл свободу и, сидя в клетке, тешится своей песней. Рискнем предположить, что Пушкин видел и такую возможность существования поэта. В контексте пушкинского творчества параллельное существование образов «орла» и «чижика», выражающих разные варианты самоидентификации лирического субъекта, демонстрирует бесконечную широту художественного мира поэта.

Разумеется, предложенный угол зрения не претендует на сколько-нибудь полное освещение темы поэта в поэзии первой половины XIX века. Однако, на наш взгляд, он позволяет выявить некоторые существенные нюансы этой темы. Поэтические образы, по природе своей зыбкие и неоднозначные, конечно, не следует семантически перегружать, но они все же достаточно значимы. Мы видели, что сравнения поэта с птицами обусловлено историко-литературными закономерностями: в поэзии сентиментализма поэт изображается певчей птичкой, в

[3] С.Г. Бочаров видел в тексте «реальную ситуацию, отражающую осложненный и углубленный опыт – одновременно жизненный и поэтический – позднего Пушкина» [Бочаров 1974, с. 23]. В.С. Непомнящий писал о поэте: «Измученный и уже заказавший себе могилу, он снова и снова говорит о том, что он – из тех птиц, которые не могут не петь, не тешиться своим даром песни, пока живут» [Непомнящий 1983, с. 18]. М.Ф. Мурьянов делал акцент на том, что «в поле зрения оказался включенным феномен забвения, обозначенный первым словом стихотворения» [Мурьянов 1996, с. 72].

произведениях романтизма – свободной и могучей птицей. Обусловлены они и поэтической индивидуальностью поэта, ассоциирующего себя с той или иной птицей. Интересно движение в поэзии тропа «орел»: он постепенно меняет свою семантику, превращаясь из символа российского героя в символ героической личности вообще, а затем в метафорический образ поэта. Свою эволюцию проходит он и в произведениях Пушкина, где в итоге предстает символом свободы поэтического творчества.

Источники

Баратынский 1948 – Баратынский Е.А. Стихотворения. М., 1948.
Батюшков 1977 – Батюшков К.Н. Опыты в стихах и прозе. М., 1977.
Библиотека для Чтения 1842 – Библиотека для Чтения 1842.
Вяземский 1982 – Вяземский П.А. Сочинения. В 2-х т. М., 1982.
Дельвиг1986 – Дельвиг А.А. Сочинения. Л., 1986.
Державин 1864 – Державин Г.Р. Сочинения в 7 т. Т. 1. СПб., 1864.
Жуковский 1959 – Жуковский В.А. Полн. собр. соч. в 4-х т. М., 1959.
Капнист 1959 – Капнист В. Сочинения. М., 1959.
Кукольник 1999 – Кукольник Н.В. Стихотворения. Таганрог, 1999.
Ломоносов 1959 – Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. Т. 8. М; Л.; 1959.
Петров 1811 – Петров В.П. Сочинения. В 3-х ч. Ч. 1. СПб., 1811.
Поэты 1972 – Поэты 1820–1830-х годов. Л., 1972.
Пушкин 1937–1949 – Пушкин А.С. Полн. собр. соч. в 16 т. М; Л., 1937–1949 гг.
Хомяков 1873 – Хомяков А.С. Стихотворения. СПб., 1873.

Литература

Бочаров 1974 – Бочаров С.Г. Поэтика Пушкина. Очерки. М., 1974.

Ильичев 2004 – Ильичев А.В. Поэтика противоречия в творчестве А.С. Пушкина и русская литература конца XVIII – начала XIX веков. Автореферат диссертации … доктора филологических наук. Владивосток, 2004.

Кочеткова 2017 – Кочеткова Н.Д. Повесть Карамзина «Райская птичка» и его стихи о соловье // Русская классика. СПб., 2017. С. 84–90.

Мурьянов1996 – Мурьянов М.Ф. Из символов и аллегорий Пушкина. М., 1996.

Непомнящий 1983 – Непомнящий В.С. Поэзия и судьба. М., 1983.

Топоров 1990 – Топоров В. Н. Заметки о поэзии Тютчева // Тютчевский сб. Тарту, 1990. С. 32–107.

THE SEMANTICS OF ORNITHOLOGICAL IMAGES IN RUSSIAN POETRY OF THE FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY

O.S. Muravyeva
Institute of Russian Literature (Pushkin House)
of the Russian Academy of Sciences

The significance of the eagle image as an alter ego of the poet in Pushkin's poetry has been repeatedly noted, but without considering the images of the eagle and other birds in Russian poetry of his time. This article explores the semantics of comparing a poet to a bird and the transformation of the eagle image in late 18th and early 19th-century poetry. The article shows that the image of the eagle in the Russian ceremonial ode was a symbol of the Russian state, Russian government and Russian soldiers. It had a similar meaing in the works of some authors of the first third of the 19th century (for example, V.N. Grigoriev, A.S. Khomyakov, N.V. Kukolnik). It was used in the same sense by Pushkin in his early poems and in the "The Caucasian Prisoner". The article substantiates the thesis that for a long time, the poet was compared not to an eagle, but to a swan, a nightingale, and a lark. It is revealed that although the bird has traditionally been a symbol of freedom, this motif is not mentioned in the examined comparisons. It is argued that Pushkin was the first to explicitly compare the poet to an eagle as a symbol of freedom and self-will. The significance of this symbol for understanding the poet's artistic worldview is discussed.

Keywords: Russian poetry, poetic semantics, bird – the poet's alter ego, Pushkin, lyrics, image of the eagle.